

АСТРИД СААЛЬБАК

[55]

ил 11/2014

Потаенный город

Пьеса

Перевод Эльвиры Крыловой

Действующие лица

МЕТТЕ, 20 лет

АГНЕТЕ, 74 года

ИНГА, 63 года

ХЕЛЕНЕ, 37 лет

Место действия:

Комната персонала в здании бывшей больницы. Стены выкрашены в синий цвет. В комнате одно окно и три двери: одна выходит в кладовую, другая — в бельевую, и третья, что почти всегда открыта, — на лестницу. В комнате письменный стол с телефоном, рядом стул, посреди комнаты стол поменьше, возле него два стула. На стене шкафчик с лекарствами, зеркало и устройство вызова персонала с маленькими синими лампочками, которые загораются, когда кому-нибудь из пациентов нужна помощь. На всем легкий налет упадка.

Время действия:

Настоящее или, возможно, недалекое будущее.

© ASTRID SAALBACH

Published by agreement with Leonhardt & Høier Literary Agency A/S, Copenhagen

© ЭЛЬВИРА КРЫЛОВА. Перевод, 2014

Сцена 1

[56]

ил 11/2014

Из темноты доносится хор приглушенных, неразборчиво шепчущих голосов. Трудно даже понять, голоса это или просто вой ветра. По мере того как становится светлее, голоса исчезают. МЕТТЕ стоит в центре комнаты, словно выросла из-под земли или упала с неба, и ждет. На ней пестрый свитер, голубые джинсы с заплатками сзади и сапоги. Через плечо сумка. Снаружи доносится шум, свидетельствующий о какой-то бурной деятельности и спешке: быстрые шаги по длинному коридору, открывающиеся и закрывающиеся двери, шум бегущей воды, звон ополаскиваемых суден и прочего. Все звуки отдаются негромким эхом. Метте поправляет одежду, вытаскивает из сумки расческу, подходит к зеркалу и причесывается. В зеркале видит отражение Агнете, бесшумно появляющейся в проеме двери за ее спиной. На ней синий узорчатый халат, коричневые чулки и тапки. Метте в испуге оборачивается к ней.

АГНЕТЕ (*вглядывается в Метте*). Элис!

МЕТТЕ. Меня зовут не Элис...

АГНЕТЕ. Ну иди же, иди же, наконец, сюда, дай мне на тебя посмотреть, прикоснуться к тебе.

МЕТТЕ. Я не Элис.

АГНЕТЕ. О, извини... мне просто на секунду показалось...

МЕТТЕ. Меня зовут Метте. Я с сегодняшнего дня буду здесь работать санитаркой. Я жду завоотделением.

АГНЕТЕ. А-а...

МЕТТЕ. А кто такая Элис?

АГНЕТЕ. Моя внучка. Она, наверное, в другой раз придет. Не знаю, что со мной. Лица расплываются перед глазами. Каждый раз, когда я вроде узнаю кого-то, оказывается, что это кто-то чужой. Может, это твоя одежда меня сбивла с толку.

МЕТТЕ. Моя одежда?

АГНЕТЕ (*ходит вокруг Метте, разглядывая ее*). У Элис точно такая же кофточка. И такие же голубые брюки с заплатками сзади...

В коридоре шум приближающихся шагов.

МЕТТЕ. Что, очень заметны?

АГНЕТЕ. Нет-нет. Просто не поворачивайся спиной, и все.

Входит Инга. На ней белый халат и белые сабо. На поясе связка ключей, которые гремят при каждом ее движении.

ИНГА. Ты, должно быть, новая санитарка. Я — Инга Йорт, завоотделением. Добро пожаловать!

МЕТТЕ. Метте Линдгрэн. Спасибо...

ИНГА. Трудно было нас найти?

МЕТТЕ. Меня охранник проводил. Боялся, что я заблужусь. Я и не знала, что здесь всего так много. И народу столько живет. Это же целый город.

ИНГА. Надеюсь, тебе у нас понравится. Здесь есть чем заняться.

МЕТТЕ. Это как раз то, что мне и нужно.

ИНГА. У нас сейчас пациентов немного больше, чем обычно, но в это время года так часто бывает. Как будто весна сильных делает сильнее, а из слабых вытряхивает последнее.

АГНЕТЕ. Весна... сейчас что, весна?

ИНГА. А ты как будто не знаешь, Агнете? Не заметила, что дерево перед часовней вот-вот распустится? *(Идет к окну.)* Посмотри, как почки на нем набухли, раздулись все.

АГНЕТЕ. Как, уже?

ИНГА. Осталось совсем недолго ждать.

АГНЕТЕ. У меня что-то голова закружилась.

ИНГА. Пойди в палату, отдохни.

Агнете уходит.

ИНГА. Агнете у нас уже давно. Поступила как-то весной, тогда к нам вдруг привезли намного больше людей, чем мы могли принять. Они лежали по всему коридору и в обеих ваннных комнатах, прямо как сейчас. Где ты работала до этого?

МЕТТЕ. Нигде. Это мое первое место.

ИНГА. Ты что, никогда не работала?

МЕТТЕ. Год назад я окончила школу и с тех пор где только работу ни искала, но так и не смогла ничего найти. Они в агентстве вас не предупредили?

ИНГА. Нет, это, должно быть, какая-то ошибка. Они обещали прислать человека постарше и с опытом работы. Того, кто не сбежит через пару недель.

МЕТТЕ. Я не сбегу, буду работать, пока не выгоните.

ИНГА. Так все говорят. К тому же больно долго обучать того, кто этим или хотя бы чем-то подобным раньше не занимался.

МЕТТЕ. Я научусь, я способная.

ИНГА. Как бы мы ни хотели, некогда нам заниматься твоим обучением. У нас и так много дел.

МЕТТЕ. Откуда же у меня возьмется опыт работы, если меня не берут на нее из-за его отсутствия?

Инга молчит. Загорается одна из синих ламп.

ИНГА (*встает*). Прошу прощения, но меня ждут пациенты.
Дел много.

МЕТТЕ. Некоторый опыт у меня все же есть.

ИНГА. Какой же?

ХЕЛЕНЕ входит с халатом, таким же, как у Инги, через руку переброшен ее собственный.

ИНГА. Я тебя не вызывала. Когда ты это усвоишь?

ХЕЛЕНЕ. Извините! (*Разглядывает Метте и через мгновение снова уходит.*)

ИНГА. Что ты там говорила про твой опыт работы?

МЕТТЕ. Прошлым летом я участвовала в строительстве стойбища древних людей...

ИНГА. Стойбище древних людей...

МЕТТЕ. Это была временная работа. Нам нужно было на пустом месте построить жилище людей каменного века, с хижинами, очагом, помойкой, орудиями, лодками и всем остальным. И мы жили там все лето как первобытные люди.

Еще одна из синих ламп загорается.

ИНГА. И зачем? Какая от этого польза?

МЕТТЕ (*неуверенно*). Не знаю. Люди приходили посмотреть на нас, на то, как жили люди тогда.

ИНГА. Здесь, конечно, не древнее стойбище, но раз уж ты здесь, и нам некогда ждать кого-то другого, я дам тебе шанс. Можешь остаться на испытательный срок.

МЕТТЕ. Спасибо.

ИНГА (*зовет*). Хелене! Принеси халат для нашей новой санитарки. (*Снимает ключ со связки и дает Метте.*) Вот ключ от двери в конце коридора. Не забывай закрывать ее каждый раз, когдаходишь и выходишь.

МЕТТЕ (*берет ключ*). Хорошо.

ХЕЛЕНЕ (*входит с таким же халатом, что и в прошлый раз*). Вот, примерь, этот подойдет?

Метте снимает свитер. Хелене и Инга надевают на нее халат, застегивают, поправляют воротник и прочее.

МЕТТЕ (*оглядывает себя, радостно*). Как раз на меня!

ИНГА. Ну и хорошо. Тогда начинаем...

Сцена 2

ИНГА сидит за письменным столом и просматривает истории болезни.

ИНГА (*читает и отмечает в журналах, бормочет себе под нос*).
...Нормальный... У нее тоже нормальный. У этого не было стула. Уже второй день. Ему надо сделать клизму с микролаксом... Мона тоже не ходила сегодня, но что в этом странного, если она ничего не ест. (*Лижет.*) Ага! У Йохана снова хороший вязкий стул, и это после шести дней запора...

Входит МЕТТЕ. Снимает прозрачные одноразовые перчатки.

ИНГА. У него был стул?

МЕТТЕ. Да.

ИНГА. И как? Нормальный?

МЕТТЕ. Я не знаю...

ИНГА. Ты что, не посмотрела?

МЕТТЕ. Нет!

ИНГА. Надо всегда смотреть. Это лучший способ контроля за работой организма. Я покажу тебе, как это делать. Поставим у него знак вопроса (*Отмечает.*) И еще тебе нужно тщательнее мыть постельцев. А то они что-то грязные. Нужно мыть везде — во всех складках и углублениях. Там как раз вся грязь и скапливается.

МЕТТЕ. Я боюсь сделать им больно. Их кожа такая тонкая и нежная. Почти прозрачная.

ИНГА. Не такие уж они и хилые, как кажется. А нам положено заботиться об их чистоте. И это самое меньшее, что мы можем для них сделать.

ХЕЛЕНЕ (*входит, снимает перчатки*). У Ингеборг нормальный стул.

ИНГА (*отмечает в журнале*). Нормальный...

ХЕЛЕНЕ. Новенькая из второй ванной тужилась четверть часа, а выдавила всего-то два маленьких, почти черных шарика.

ИНГА (*ищет в журналах*). Где она тут у нас? А, вот... Вязкий стул. Еще несколько черносливин на завтрак, чтобы отпустило. А как у Принцессы?

ХЕЛЕНЕ. У нее нормальный.

ИНГА (*отмечает в журнале*). Нормальный...

МЕТТЕ. Принцесса?

ХЕЛЕНЕ. Ты не обратила на нее внимание? У нее несколько больших опухолей на голове, и они словно образуют корону.

МЕТТЕ. А-а.

ХЕЛЕНЕ. Что случилось с Агнете? Она все время ходит взад-вперед по коридору. Ни лечь в постель, ни посидеть в

комнате отдыха не соглашается. Обычно ведь она такая тихая и послушная.

ИНГА. Это новость о том, что весна наступила, так ее взволновала.

ХЕЛЕНЕ. Из-за нее и другие нервничают.

С улицы доносится звон колоколов.

ИНГА. Слышите? Звон стал громче. Звучит совсем иначе.

ХЕЛЕНЕ. Кто бы это мог быть?

ИНГА. Не знаю. Кто-нибудь из других отделений, наверное...

ХЕЛЕНЕ (*идет к окну*). Вон они вносят гроб. Воздух сегодня такой прозрачный. Аж до центра города все видно.

МЕТТЕ. Здесь так жарко.

ИНГА. Это для пациентов. С возрастом телу становится труднее сохранять тепло.

МЕТТЕ. Может, откроем окно? Хотя бы здесь.

ИНГА. Тогда кондиционер не будет работать.

МЕТТЕ. У меня щеки горят.

ИНГА. Привыкнешь.

ХЕЛЕНЕ. Ну, а вообще тебе как здесь, нравится?

МЕТТЕ. Да, чувствуешь, что ты нужен, и еще им так легко доставить радость, пациентам. Ничего и делать-то не нужно: поговоришь с ними минутку, и они начинают гладить тебя по щеке и радоваться, словно ты послана небесами.

ХЕЛЕНЕ. Им вечно надо кого-нибудь пощупать. А хуже всего — женщины. Так и норовят полапать тебя. Ничего и не остается, кроме как дать им по рукам.

МЕТТЕ. Мне бы никогда такое на ум не пришло!

ИНГА. Не слушай ты ее. Это она просто так. Один из пациентов шепнул мне во время обхода, что новая санитарка, словно ангел.

МЕТТЕ. (*смеется*). Ангел! Я себя им и ощущаю, в этом халате, таком белом и чистом. Только крыльев не хватает.

Одна из синих лампочек загорается.

ХЕЛЕНЕ. И ведь это каждый раз, стоит только присесть. Как будто они следят за нами.

МЕТТЕ. Давай я схожу, потренируюсь.

ХЕЛЕНЕ. Не забудь надеть перчатки, поосторожней там.

МЕТТЕ берет перчатки и выходит.

ИНГА. Она нам подойдет. Молоденькая и старается изо всех сил.

ХЕЛЕНЕ. Молоденькая! А я что, не молоденькая, что ли?

ИНГА. И ты молоденькая, но не настолько же. Она еще просто ребенок.

ХЕЛЕНЕ. Сбежит, как и все остальные. На таких, как она, нельзя положиться.

ИНГА. Не сбежит, знает ведь, что другой работы ей не найти. Она останется, если мы захотим. А мы, я думаю, захотим.

ХЕЛЕНЕ. И зачем нам она?

ИНГА. Ты о чем?

ХЕЛЕНЕ. Нам вдвоем лучше. Только ты и я...

ИНГА. Мы больше не можем одни ухаживать за всеми этими людьми. Нам нужны еще санитары. А тебе бы порадоваться тому, что тебя разгрузят.

ХЕЛЕНЕ. Да я рада, но...

ИНГА. Но что?

ХЕЛЕНЕ. Ничего.

ИНГА. Ты как дитя малое.

ХЕЛЕНЕ. А ты как мамочка.

ИНГА. Сменим тему.

ХЕЛЕНЕ. Помнишь, когда я только пришла? Тогда я часто, проходя мимо пациентов-мужчин, позволяла им шлепать меня по задку, чтобы просто доставить им удовольствие. Больше они этого не делают, теперь им нужно молодое тело.

ИНГА. Такова жизнь.

ХЕЛЕНЕ. Это невыносимо.

Звонит телефон.

ИНГА (*отвечает на звонок*). Отделение 17б, заводделением... нет, не можем, у нас нет мест. Да, но что нам с ней делать? А как в других отделениях? То же самое... Да... да, понятно... Разумеется, мы примем ее. Да, конечно. Спасибо... И вам спасибо. До свидания. (*Кладет трубку*.) Откуда они берутся, эти несчастные люди? Откуда они все?

ХЕЛЕНЕ. Еще одна...

ИНГА. Администрация благодарит нас за сотрудничество.

ХЕЛЕНЕ. И что же нам с ней делать?

ИНГА. Пока полежит в помывочной.

ХЕЛЕНЕ. А если положить в коридоре?

ИНГА. Тогда тележки с едой не смогут проехать. Но ничего страшного, она к другому и не привыкла. Лежала там у себя дома, одна-одинешенька, в своем собственном дерьме. И так месяцами, без нормальной еды, без мы-

тья. Да она будет нам благодарна уже за чистую постель и трехразовое питание.

МЕТТЕ входит и снимает перчатки.

ИНГА. Кто это был?

МЕТТЕ. Тот, тощий, маленький из четвертой палаты, ему нужно было судно подать.

ХЕЛЕНЕ. А, этот, Троль. Мы зовем его Троллем, потому что его всего перекосило от подагры.

МЕТТЕ. У него нормальный...

ИНГА. Что?

МЕТТЕ. Стул — нормальный.

ИНГА. А-а, это только первый, утренний стул нужно смотреть.

Хелене смеется.

Сцена 3

На вешалке висит комплект одежды. Шапка, старое пальто, под ним — платье. На полу под одеждой стоит пара сношенных туфель. МЕТТЕ пишет именные таблички и прикрепляет их к каждому предмету булавкой. ХЕЛЕНЕ выносит чистое постельное белье из бельевой, складывает его стопками на столе и пересчитывает.

МЕТТЕ. Не могу найти ее чулки...

ХЕЛЕНЕ. 12, 13, 14, 15... На ней их не было... 16, 17... (*Продолжает бормотать.*)

МЕТТЕ. Как же она, должно быть, мерзла!

ХЕЛЕНЕ. Не забудь составить список того, что лежит в карманах. А то они придут потом и будут уверять, что там были деньги.

МЕТТЕ. Не люблю копаться в чужих карманах.

ХЕЛЕНЕ. Этого никто не любит, но нам тут не до благородства. (*Засовывает руку в карманы пальто и вытаскивает оттуда различные вещи.*) Расческа... связка ключей... старая записка... и немного сора...

МЕТТЕ. Что это у тебя с руками?

ХЕЛЕНЕ. Экзема. От перчаток. Со временем от них раздражается кожа. Запиши связку ключей, а остальное выброси. У-у, им следовало бы очищать карманы еще до отправки.

МЕТТЕ. Куда все это?

ХЕЛЕНЕ. Все это будут хранить на большом складе в подвале или отошлют родственникам, если таковые имеются.

МЕТТЕ. А что, если ей нужно будет уйти?

ХЕЛЕНЕ. Уйти? Отсюда никто не уходит.

МЕТТЕ. Я бы предпочла умереть, чем закончить жизнь здесь, пациентом.

ХЕЛЕНЕ. Это ты сейчас говоришь. А когда приходит время, все цепляются за жизнь, какой бы скверной она ни была.

МЕТТЕ. Представляешь, что было бы, если бы их всех выпустили! Отправили обратно в город, и они ходили бы по улицам с белыми лицами и все в одинаковой одежде!

ХЕЛЕНЕ. Зачем это? Они бы погибли. Блуждали бы повсюду или лежали и умирали на глазах у всех. Скажи спасибо, что Инга не слышит того, что ты говоришь. (*Нюхает простыни.*) М-м... Возьми, понюхай!

МЕТТЕ (*кашляет*). Такое едкое мыло.

ХЕЛЕНЕ (*смеется*). У тебя слезы на глазах! Я обожаю этот запах. Иногда, когда все полки в бельевой от потолка до пола заполняют чистым, свежеевыглаженным бельем, я иду и закрываюсь там. Все вокруг такое белое.словно ты в церкви. И еще этот запах. Становится так легко и спокойно...

ИНГА (*входит, вне себя*). Вы бы только посмотрели на Ингеборг!

МЕТТЕ. А что там?

ИНГА. Как ей только не стыдно! Это ж надо так низко пасть!

МЕТТЕ. Что она такое делает?

ИНГА. У нее стыда нет, просто никакого стыда. Жаль остальных, им ведь приходится смотреть на все это свинство.

ХЕЛЕНЕ. Ну, что там она такое делает?

ИНГА. Ты и сама все прекрасно знаешь, хватит прикидываться дурочкой. Она... делает то же самое, что когда-то фру Лунд делала.

ХЕЛЕНЕ. Ей нужен мужчина.

ИНГА. Дадим ей успокоительного. (*Открывает аптечку и достает несколько таблеток.*) Весной они все становятся такими беспокойными. Просто сумасшедший дом какой-то. Я захожу в палату, а она лежит на своей кровати и, не стесняясь, занимается этим. А остальные делают вид, что ничего не происходит. Сидят и смотрят в пустоту, как обычно. Ладно слабоумные, те не понимают, что делают. Но Ингеборг! Тут на днях она меня вдруг спрашивает, не могу ли я ее покормить, хотя прекрасно может поесть и сама. Будто мне нечем больше заняться. Просто она у нас несколько подзадержалась. Со временем они все здесь такими становятся: бесстыдными и требовательными.

ХЕЛЕНЕ. А когда ее моешь, у нее иногда появляется такое странное выражение глаз, будто она наслаждается этим.

ИНГА. Я ей покажу, как наслаждаться! Хрюшка старая, вот кто она... (*Закрывает шкафчик на ключ, берет лекарство и уходит.*) Пусть проглотит их без воды...

Метте и Хелене фыркают.

ХЕЛЕНЕ. Бедная Инга, ей самой бы какого-нибудь мужчину. Не удивлюсь, если она еще хуже, чем Ингеборг. (*Берет стопку постельного белья и уходит.*)

Метте продолжает прикреплять именные бирки на одежду. В дверях появляется АГНЕТЕ. Она смотрит на Метте, которая ее не замечает.

АГНЕТЕ. Элис?

МЕТТЕ. Меня зовут не Элис.

АГНЕТЕ. Это, должно быть, одежда новенькой. Я видела, как они ее раздевали. Она никак не хотела расставаться со своими туфлями. Вцепилась в них, словно речь шла о ее жизни.

МЕТТЕ. Расскажите мне что-нибудь про Элис?

АГНЕТЕ. Она похожа на меня. Если посмотреть на мою фотографию в молодости, между нами так много сходства, просто одно лицо. Единственное отличие в том, что у меня были длинные волосы. Такие длинные, что я могла сидеть на них. Каждое утро я заплетала их и укладывала венком вокруг головы. Все завидовали моей косе. И только когда ее отрезали, я поняла, какая же она была тяжелая. Голове стало легче и головная боль, что постоянно мучила меня, прошла. Я спрятала отстриженную косу в ящик. Когда Элис была маленькой, она любила играть с ней, прикалывала к своим коротким волосикам и важно расхаживала, словно с нимбом над головой... к чему это я рассказываю? Воспоминания выплывают сами из мрака, неизвестно почему... и для чего. Я думала, ты Элис. Почему ты не можешь быть Элис?

МЕТТЕ. Это не я решаю. Я уверена, она придет. Однажды, когда вы перестанете ждать ее, именно тогда, как это всегда бывает, она вдруг появится в дверях!

АГНЕТЕ. Нет, она больше не придет. Она здесь уже однажды была. Сразу после того, как меня сюда перевезли. Она была такая веселая. Сидит, смеется все время, улыбается. А у самой сигарета в руке дрожит. Потом на полу остался тонкий слой пепла. Мы говорили о том о сем. А

остальные в палате слушали, хоть и делали вид, что не обращают на нас внимания. И вдруг она разрыдалась, стала просить прощения, снова и снова просила. Я не могла успокоить ее. А потом она ушла. С тех пор я ее больше не видела.

ИНГА (*входит.*) Агнете, тебе дали чистый халат?

АГНЕТЕ. Нет. Мне не нужно. Но все равно, спасибо.

ИНГА. Всем должны менять белье каждый день. Таковы правила. (*Обращается к Метте.*) Принеси Агнете чистый халат.

МЕТТЕ уходит.

АГНЕТЕ. Вы все стираете, моете, трете нас, драите, пока кожа клочьями не повиснет. И все равно что-нибудь да остается. Полосочка какая-нибудь, которую вам никогда не соскоблить.

ИНГА (*вежливо, помогая снять халат*). Согни руку... вот так...

АГНЕТЕ (*берет халат*). Посмотри! От стирки вся краска смылась, рисунка почти не видно.

МЕТТЕ входит с чистым халатом, таким же, как был на Агнете. Инга кладет грязный халат возле чистого. Агнете стоит почти голая и дрожит от холода. Потом быстро берет один из халатов и начинает надевать его на себя. Останавливается и разглядывает его.

АГНЕТЕ. Это чистый или грязный?

ИНГА. Это чистый.

АГНЕТЕ. А вот здесь жирное пятно...

ИНГА. Значит, это грязный... (*Помогает ей снять халат и надеть другой.*)

АГНЕТЕ. А здесь маленькая дырочка. На том, что я сняла, была такая же.

ИНГА. Дай-ка мне их оба. (*Пытается понять, какой из халатов чистый, а какой – грязный. Вздыхает.*) Принеси еще один, чтобы не ошибиться.

МЕТТЕ выходит.

АГНЕТЕ. Холодно... Мне холодно...

МЕТТЕ входит с еще одним халатом.

ИНГА (*помогает Агнете надеть халат*). Ну вот, теперь ты чистая и красивая.

АГНЕТЕ. Да, да, если вам так больше нравится. (*Уходит.*)

ИНГА. Дай им волю, они будут месяц ходить в одном и том же, а мыться – раз в неделю.

Тишина.

МЕТТЕ. Когда я здесь, такое чувство, что внешний мир просто не существует. А когда я иду по улице в городе, кажется, что здесь все ненастоящее. Что мы все это просто придумали.

ИНГА (*смеется*). Может, так оно и есть. Задерни шторы, свет сегодня такой резкий.

МЕТТЕ. Ой, не надо!

ИНГА. Задерни, говорю. Глаза режет.

Метте задерживает шторы.

Сцена 4

ИНГА сидит за столом. Входит ХЕЛЕНЕ, встает в дверях, ведущих в коридор.

ХЕЛЕНЕ. Где же тележки с едой? Уже на пятнадцать минут опаздывают.

ИНГА. Никаких сообщений о задержке не было, сейчас придут.

ХЕЛЕНЕ. Агнете по-прежнему ходит взад-вперед по коридору. Как она не устает...

ИНГА. Ее только Метте может успокоить.

ХЕЛЕНЕ. Как же она меня раздражает.

ИНГА. Метте? Почему?

ХЕЛЕНЕ. Она такая старательная, невинная. Ей кажется, что она может научить ходить парализованного, глухого — слышать, а склеротика — помнить.

ИНГА. И ей это почти удастся. Благодаря ей Мона опять начала есть. И еще она умудряется переворачивать новенького в ванной так, что он даже не кричит от боли. Мы с тобой так не умеем. А вчера я слышала, как она разговаривала с Принцессой, которая за все время, что она здесь, никому и слова не сказала.

ХЕЛЕНЕ. А вот грязные пеленки она бросает на пол в помывочной, а мне потом поднимать. К тому же вчера она оставила под Йоханом судно на целых полчаса, потому что не посмела, видишь ли, отойти от женщины, которой вздумалось рассказывать историю своей жизни. В конце концов, у того все пролилось на постель, и мне пришлось менять белье и переодевать его.

ИНГА. Она обязательно научится со временем. Надо только немного потерпеть.

ХЕЛЕНЕ. Вот когда я что-то делаю не так, ты так не говоришь.

ИНГА. Хелене, что с тобой происходит? (*Хелене не отвечает.*)

Ты была точно такая же в начале.

ХЕЛЕНЕ. Правда? Это было так давно.

ИНГА. Мы все когда-то были такими.

МЕТТЕ (*входит*). С Марией что-то не так... Мне нужно было ее помыть... у нее глаза открыты, а сама лежит тихо-тихо и не отвечает, когда ее зовешь.

ИНГА выходит.

МЕТТЕ. Ты думаешь, она...

ХЕЛЕНЕ (*смотрится в зеркало и поправляет свою прическу*). Скорее всего. У тебя есть расческа?

МЕТТЕ. Расческа?

ХЕЛЕНЕ. И что такого? А тебе бы хотелось, чтобы мои волосы торчали в разные стороны от скорби по Марии. Я саму-то ее не знала, только тело ее. Мне она никто, тебе или Инге, да и другим, наверняка, тоже. Теперь она упокоилась. Впервые за многие годы у нее появится свое собственное жилье. Однокомнатное, с крышкой! Дай же мне наконец расческу...

Метте дает ей свою расческу, Хелене причесывается.

МЕТТЕ. Она лежала там, совсем одна.

ХЕЛЕНЕ. Когда мы заняты, такое случается. Везде не успеешь. Спасибо за расческу.

МЕТТЕ. Она лежала, странно изогнувшись, словно пыталась достать до кнопки. Остальные должны были бы это заметить. Почему нас не позвали? Не помогли никак?

ХЕЛЕНЕ. Они ничего не слышат и не видят. И что бы мы могли сделать? Все равно ничего бы не изменилось.

МЕТТЕ. Что же это здесь за место такое!

Входит ИНГА.

МЕТТЕ. Она... умерла?

ИНГА. Да.

ХЕЛЕНЕ. Вот почему она последнее время была такая растерянная. Они всегда это предчувствуют.

ИНГА (*смотрит в журнал*). И стула в последние три дня у нее не было.

Метте рыдает.

ИНГА. Ну, ну, не расстраивайся из-за нее. Марии теперь хорошо.

ХЕЛЕНЕ (*вывозит вперед тележку с водой, протягивает Метте перчатки*). Пойдем, надо все закончить.

МЕТТЕ. Что закончить?

ИНГА. Марию нужно обмыть и собрать, чтобы ее отвезли сначала в подвал, а потом в часовню.

Метте снимает халат.

ИНГА. Ты что делаешь? Ты куда?

МЕТТЕ. Я не могу здесь больше оставаться.

ХЕЛЕНЕ. А я что говорила?!

ИНГА. Ты не можешь так поступить. Только не сейчас.

МЕТТЕ. Я здесь всего лишь на испытательном сроке.

ИНГА. А как же пациенты! Что нам с ними делать?!

МЕТТЕ. Вы легко найдете другую санитарку.

ИНГА. И все опять сначала? А мы не хотим другую. Нам нужна ты. У нас никогда не было никого лучше тебя. Ведь правда, Хелене? Ну-ка, надевай опять халат.

МЕТТЕ. Нет, я этого больше не вынесу... все бессмысленно. Здесь так жарко... Я просто задыхаюсь...

ИНГА (Хелене). Принеси стакан воды.

МЕТТЕ. Я больше не хочу работать здесь, отпустите меня.

ИНГА. А ты не помнишь, как клянчила, умоляла, чтобы я оставила тебя? “Я не сбегу, буду работать, пока не выгоните”, — говорила. Я дала тебе шанс, а теперь ты нас предаешь, и это в самый тяжелый момент, когда ты нам действительно очень нужна.

МЕТТЕ. Я не знала, что все так будет.

ИНГА. Я ведь предупреждала тебя. А что, ты думаешь, скажут в агентстве, когда услышат об этом? Думаешь, подыщут тебе другую работу? (Метте не отвечает.) Я не могу и не хочу принуждать тебя. Но ты должна остаться ради себя самой. Где и чем ты будешь заниматься? А здесь ты зарплату получаешь, учишься, все тебе рады. Ты слышишь меня?

МЕТТЕ. Я не знаю, что делать... Ничего не соображаю. Ступор какой-то... может, это все неважно, останусь я или уйду... Без разницы ведь... (Вдруг по-детски чувствительно.) Я останусь, раз вы говорите, что я должна.

ИНГА. Ну и хорошо. Я знала, что ты одумаешься. (Нежно обнимает ее.) Конечно же, ты испугалась того, что случилось с Марией. В первый раз всегда бывает очень тяжело. А потом привыкаешь.

МЕТТЕ (закрывает глаза). М-м, твой халат так хорошо пахнет.

Хелене стоит и смотрит на них. Когда терпение ее заканчивается, она протягивает Метте перчатки.

МЕТТЕ (надевает перчатки). Я раньше никогда до мертвых не дотрагивалась.

ХЕЛЕНЕ. Не бойся. Разница не такая уж и большая.

Они уходят. Инга идет к аптечке, открывает ее, достает банку с лекарством и высыпает оттуда две таблетки, но одна из них падает.

АГНЕТЕ (*стоит в дверях*). Во-он там она лежит... Когда привезут обед?

ИНГА. Скоро. Пойди, отдохни немного, тогда время быстро пройдет.

АГНЕТЕ уходит. Инга глотает таблетки. Звонит телефон.

ИНГА (*берет трубку*). Отделение 17Б, заводским. Еще одного? Нет, мы не можем, это невозможно. Что нам с ним делать? Ну да, у нас только что один умер, а другие все еще лежат в коридоре, в ваннах, даже в прачечной... да... конечно... где-то место ему нужно найти, но... Нет, я не оставлю бедного, беззащитного человека в таком положении, но как нам ухаживать за ними, за всеми сразу? Извините. Я не собиралась с вами ругаться... Конечно, мы примем его... Да... Мы сделаем все, что сможем... И вам спасибо... Спасибо... До свидания... Одну минуту! Алло? Я просто хотела спросить, когда привезут обед, они задерживаются уже на полчаса... выехали уже? (*Смеется.*) Да нет, я и не думала, что они про нас забыли. Спасибо. До свидания. (*Кладет трубку.*) И как они об этом узнают? Так быстро...

МЕТТЕ (*входит, кладет на стол прозрачный пакет с какими-то вещами*). Вот, это вещи Марии.

ИНГА. И это все?

МЕТТЕ. Да. Мы забыли простынку, чтобы накрыть труп. (*Входит из комнаты и возвращается с простыней.*)

ИНГА (*высыпает все вещи из пакета и разглядывает их. Берет обручальное кольцо и читает надпись*). Марии от Кнуда... А теперь я обращаюсь к тебе, Мария. Хочешь ли ты взять в мужа Кнуда, стоящего с тобой рядом? — Да. (*Она надевает кольцо на палец и разглядывает свою руку. Затем снова смотрит на вещи. Берет часы и прикладывает к уху.*) Ах вы, предатели... (*Кладет часы и берет фотографию.*) Молодая женщина... и молодой мужчина, обнимает ее... заботливо и гордо... То, как она держит руку... (*Кладет руку себе на талию.*) Она, должно быть, беременна. Я уверена, она ждет ребенка! (*Одна из синих ламп загорается.*) Кто же это был: мальчик или девочка? (*Задумчиво.*) Мальчик или девочка? По мне, лучше девочка, хоть можно понять, что это такое. Выглядит испуганной, типичная Мария... Всегда испугана... (*Кладет фотографию, снова бе-*

рет часы и слушает, приложив к уху.) Предатели... предатели. *(Сильно ударяет часами по столу.)* Вы можете замолчать? *(Снова прикладывает к уху.)* Вот так-то лучше. *(Кладет часы и берет открытку. Смотрит на нее.)* “Здесь мы живем”... с балконом и видом на море. *(Переворачивает открытку и читает. Вздыхает.)* Обычное пустословие. Почему бы немного не постараться. Если не для кого-то другого, то хотя бы ради меня...

Она кладет открытку и снова смотрит на кольцо на пальце. Подходит к зеркалу и подносит руку к лицу, чтобы увидеть себя с кольцом в зеркале. Загорается еще одна синяя лампа. Она смотрит на нее. Снимает кольцо, кладет все вещи назад в пакет. Поправляет халат, надевает перчатки и выходит.

Сцена 5

ИНГА сидит за столом и заполняет журнал. За окном звонят церковные колокола.

ИНГА *(читает и отмечает в журнале. Бубнит себе под нос).* Слишком плотный кал... две черносливины для размягчения... А тут стула не было, это первый день, понаблюдаем... У этой тоже не было, четвертый день... двойную дозу микролакса... у него не было, это первый день, ну должен же быть хоть кто-то, у кого сегодня утром был хороший, нормальный стул!

Входит МЕТТЕ, на руке висит упакованная в целлофан старая поношенная женская одежда с именными бирками, в руке — туфли.

ИНГА. Ты еще не относила все это вниз?

МЕТТЕ. Относила, только там нет места. Склад переполнен.

Они спрашивают, не могли бы мы пока подержать все это у нас.

ИНГА. У меня мурашки... Повесь вон там. У новенького, что в комнате отдыха, был стул?

МЕТТЕ. Да.

ИНГА. Наконец-то, хоть у кого-то был стул!

МЕТТЕ. Но очень жидкий по консистенции.

ИНГА. Да? Все равно лучше, чем ничего.

ХЕЛЕНЕ *(входит).* Больше нет чистых простыней.

ИНГА. Я знаю.

ХЕЛЕНЕ. Кое-кому не меняли уже несколько недель.

ИНГА. Знаю, знаю.

ХЕЛЕНЕ. Скоро не останется ни чистых наволочек, ни пододеяльников. В бельевой уже почти все полки пустые.

ИНГА. И это с тех пор, как мы, устраивая место для вновь прибывших, из комнаты отдыха сделали спальню. Я докладывала об этом в администрацию и просила подвезти еще комплектов белья. Не знаю, почему их до сих пор нет.

МЕТТЕ. Неприятно, когда пациентов так много, они просто повсюду. Только решишь, что ты наконец одна, и тут же из темноты выплывает чье-либо белое лицо.

ИНГА. Не надо истерик. В это время года всегда так.

ХЕЛЕНЕ. Такого наплыва никогда еще не было.

ИНГА. Только когда дерево распустится, нам станет легче. Тогда природа уже отделит сильных от слабых. (*Вновь утыкается в журналы.*) У Принцессы-то был стул?

ХЕЛЕНЕ. Да, нормальный.

ИНГА. Хорошо, на нее всегда можно рассчитывать. (*Отмечает в журнале.*)

ХЕЛЕНЕ. У Моны тоже нормальный.

Инга, собираясь отметить это в журнале, роняет карандаш, и тот падает на пол. Хелене быстро поднимает его.

ИНГА. (*отмечает в журнале*). Нормальный... (*Замечает, что Хелене неотрывно наблюдает за ее рукой.*) Что такое?

ХЕЛЕНЕ. У тебя руки трясутся.

ИНГА. Я устала.

ХЕЛЕНЕ (*поспешно*). Принести тебе чашечку кофе?

ИНГА. Нет, спасибо. Этот звон колоколов действует мне на нервы. В нем есть что-то триумфальное.

МЕТТЕ (*выглядывает из-за шторы в окно*). Это Йохан?

ИНГА. Да.

МЕТТЕ. Ни цветов ни венков...

ИНГА. Некому было заплатить за них.

МЕТТЕ. Из близких тоже никого.

Одна из синих ламп загорается. Хелене надевает перчатки и уходит.

ИНГА. Этого Йохан не видит.

МЕТТЕ. А вон священник, поставил свою сумку на крышку гроба и стоит, улыбаясь, с похоронным агентом разговаривает!

Звон колоколов прекращается.

ИНГА. Какая тишина.

МЕТТЕ (*опускает штору*). Люди отличаются друг от друга, даже после смерти...

ИНГА (*взволнованно*). Когда умерла моя мама, я украсила ее гроб белой сиренью. Ее аромат наполнял всю церковь, так что голова кружилась.

АГНЕТЕ. Там женщина упала с кровати. Та, здоровая толстуха. Лежит на полу и барахтается. Я одна не могу ее поднять.

ИНГА. Я сейчас приду. (*Уходит.*)

АГНЕТЕ (*смотрит на висящую в целлофановом пакете одежду*). Еще один. Скоро каждый день будут поступать новые. Незаметно нас будет становиться все больше и больше. А когда подумаешь, что еще столько же на всех других этажах и в других отделениях...

МЕТТЕ. И что тогда?

АГНЕТЕ. Ничего, ничего такого. Ты видела гроб?

МЕТТЕ. Да.

АГНЕТЕ. Кому же это удалось расстаться с этим миром?

МЕТТЕ. Вы что, хотите умереть?

АГНЕТЕ. Да.

МЕТТЕ. Вам не страшно?

АГНЕТЕ. Конечно, страшно. Но у меня больше нет сил ждать. Должно быть, скоро мой черед. Я уже здесь отбыла свое наказание.

МЕТТЕ. Что вы имеете в виду?

АГНЕТЕ. Ты что, не видишь, что это чистилище? Здесь, конечно, нет раскаленных тисков и вечного огня. Наоборот. Это пытка незаметная, усовершенствованная и продолжительная. После нее не остается ни шрамов ни рубцов. Это — пытка самим ожиданием. И ждешь, и ждешь, и ждешь, а в это время все медленно исчезает. Чувства, ощущения, воспоминания, все, пока от тебя не остается ничего, кроме небольшой кучки костей в кожаном мешке. Здесь ты ни живой ни мертвый.

Молчание.

МЕТТЕ. Вчера кто-то забыл закрыть дверь на лестницу, и она была открыта несколько часов.

АГНЕТЕ. Я видела.

МЕТТЕ. Но никто даже не попытался улизнуть, сбежать отсюда!

АГНЕТЕ. Бегут обычно только слабоумные, но они, наверно, и не заметили этого. А остальные, мы-то немножко соображаем. Да и куда нам идти, если мы даже за собой ухаживать не в состоянии. Поэтому мы и здесь. Кто по-

может мне подняться, если голова закружится и я упаду? И кто мне поесть принесет, когда я по улице-то ходить не могу? А кто обнаружит меня, когда я умру? Мне не хотелось бы лежать там и разлагаться до тех пор, пока меня не найдут по запаху. Элис, Элис...

МЕТТЕ. Меня зовут не Элис!

АГНЕТЕ. Нет, но сходство просто потрясающее. То же лицо, тело и все движения, такая же короткая прическа. Когда я была как ты, у меня были длинные волосы. Такие длинные, что я могла на них сидеть. Каждое утро я заплетала их и укладывала венком вокруг головы...

МЕТТЕ (*идет к двери*). Мне надо идти.

АГНЕТЕ (*идет за ней и быстро говорит*). Все так завидовали моей косе. И только когда ее отстригли, я заметила, какая она была тяжелая. Голове полегчало, и головная боль...

МЕТТЕ. У меня нет времени.

АГНЕТЕ. Ну еще одну секунду! Осталось не так много! Так вот, постоянная головная боль прошла. Я спрятала отрезанную косу в ящик. А когда Элис была маленькая...

МЕТТЕ. Я послушаю это как-нибудь в другой раз. (*Уходит.*)

АГНЕТЕ. Когда Элис была маленькой, она любила играть с косой, прикалывала к своим коротким волосикам и важно расхаживала, словно у нее нимб над головой... (*Растерянно.*) Элис, куда ты делась? Почему ты ушла?

Сцена 6

На столе слоеный торт со свечами.

ХЕЛЕНЕ. Где спички?

МЕТТЕ. Вот.

ХЕЛЕНЕ. Так хочется увидеть ее лицо. Это будет для нее сюрпризом...

Из коридора слышен звук приближающихся шагов. Звон ключей.

МЕТТЕ. Она идет...

Они зажигают свечи на торте. Входит Инга.

ХЕЛЕНЕ и МЕТТЕ (*поют*). “Сегодня у Инги день рождения, ура, ура, ура!”

ИНГА. Откуда вы узнали? Мы же обычно никогда не...

ХЕЛЕНЕ. Тут как-то позвонили из администрации, я взяла трубку, а они спросили, знаем ли мы, что у тебя сегодня день рождения. Тогда мы с Метте решили, что это нуж-

но отпраздновать. Ты столько делаешь для других. Если кто и заслуживает праздника, так это ты.

ИНГА. Вот неожиданность...

ХЕЛЕНЕ. Мы хотели организовать хор пациентов, чтобы встретить тебя песней, но подумали, что это несправедливо по отношению к лежащим, которые не могут участвовать. Поэтому нас только двое.

ИНГА. Даже не знаю, что сказать. (*Шмыгает носом. Хелене протягивает ей носовой платок.*)

МЕТТЕ. Это Хелене, она встала пораньше и испекла торт.

ХЕЛЕНЕ. Было еще совсем темно.

ИНГА. А я как раз утром проснулась, и мне так захотелось, чтобы сегодня хоть кто-нибудь вспомнил, что у меня день рождения. Обычно мне как-то все равно. Я часто сама забывала о нем и только через пару недель или даже месяцев понимала, что стала старше. Но сегодня было иначе. Не знаю почему. Надо же, даже администрация помнит о моем дне рождения. Значит, они мною довольны.

МЕТТЕ. Может, они назначат вас руководителем целого этажа, а не только одного отделения.

ИНГА. Никогда не знаешь, что они придумают.

ХЕЛЕНЕ (*передает Инге подарок в красивой упаковке*). Вот, поздравляем. Это от нас двоих.

ИНГА. О-ой, это мне подарки... (*В упаковке – платок.*) Какой красивый...

МЕТТЕ. Не хотите примерить?

ИНГА (*накидывает платок на плечи*). Мне идет?

ХЕЛЕН. Прямо твои цвета.

ИНГА (*подходит к зеркалу. Замечает Агнете, стоящую в дверях*). Это ты здесь...

АГНЕТЕ. Я слышала, как вы пели.

ИНГА. Я же говорила, что нужно сначала стучать. Прямо пугаешься, когда вы вот так бесшумно подкрадываетесь.

АГНЕТЕ. Я не подкрадывалась! Это тапки такие. Если бы нам разрешили ходить в своей обуви, вы бы нас слышали. (*Раздраженно.*) А я вовсе и не подкрадывалась!

ИНГА. Хорошо, пусть так.

АГНЕТЕ. А у кого день рождения?

МЕТТЕ. У Инги.

АГНЕТЕ. Поздравляю.

ИНГА. Спасибо.

Молчание. Агнете уходит.

ИНГА (*смеется*). Иногда кажется, что она смотрит сквозь тебя.

МЕТТЕ (*вручает ей цветы*). Вот цветы, они тоже от нас обеих.

ИНГА (*нюхает цветы*). М-м-м...

МЕТТЕ. Мы так надеялись, что дерево распустится к сегодняшнему дню, но почки на нем еще дремлют, а солнце никак их не разбудит.

ИНГА (*держит руки над свечами на торте, чтобы согреться*). Однажды, когда я была маленькой, мне вдруг так не захотелось праздновать мой седьмой день рождения.

МЕТТЕ. Почему?

ИНГА. Мне хотелось остаться шестилетней и не вырасти. Тогда мама объяснила, что, независимо от того, хочу я или нет, будем мы праздновать день рождения или не будем, мне все равно исполнится семь лет. А через год — восемь, а еще через год — девять и т. д. Время нельзя остановить. Меня это просто вывело из себя, я не хотела ни спать ни есть. Я не спала ночь за ночью, а мама все время сидела рядом. Когда же она все-таки засыпала, я следила за ее дыханием, смотрела, как равномерно поднималась и опускалась ее грудь, пока она вновь не просыпалась.

МЕТТЕ. Почему? Что такое случилось?

ИНГА. Не знаю. Возможно, мне на мгновение открылось нечто большее... открылось то, чего в этом возрасте еще понять не могла... и чего не могла рассказать кому-то другому. Я была с этим один на один... А теперь — нет, я этого уже не помню. Со временем это прошло, и я смирилась с тем, что мне исполнилось восемь, девять и десять лет. А сегодня я с радостью принимаю поздравления!

Загорается одна из синих ламп.

ХЕЛЕНЕ (*выходит и снова возвращается*). Перчаток больше не осталось.

ИНГА. Под раковиной еще одна коробочка.

ХЕЛЕНЕ. Она пуста. Мы ее просто забыли выбросить. Что будем делать?

ИНГА. Придется потерпеть, пока новые не получим.

ХЕЛЕНЕ. Не можем же мы... голыми руками!

ИНГА. Ты хочешь, чтобы они лежали и терпели так долго? Или пусть в постель все льется? Возьми себя в руки и выполняй свои обязанности.

ХЕЛЕНЕ. Нет, этого я делать не буду.

ИНГА. Что значит, не будешь?..

ХЕЛЕНЕ. В случае смерти или если надо убрать за кем, то это всегда нам достается, а ты, как сидела здесь, так и сидишь. Без перчаток я этого делать не буду.

МЕТТЕ. Давай я пойду, мне все равно.

ХЕЛЕНЕ. Может, тебе это уже начало нравится? С некоторыми такое случается. Сначала им кажется это противным, потом привыкают, а в конце концов уже не могут без этого. И тогда стоят, копаются в нем, словно играют в куличики: “Тесто мнем, мнем, мнем, утром тортик испечем...”

ИНГА. Ну, хватит.

Метте хочет выйти.

ХЕЛЕНЕ (*останавливает ее*). Не надо, я сама справлюсь. (*Уходит.*)

ИНГА. Вот хорошее настроение и испарилось. (*Молчание.*) Я тебе говорила, что со следующей недели у тебя будут ночные дежурства?

МЕТТЕ. И тогда я буду здесь одна?

ИНГА. Ты боишься темноты?

МЕТТЕ. Да не-ет.

ИНГА. Ничего страшного. Если есть чем заняться, то время пройдет быстро, и не успеешь оглянуться, как начнет светать. А если ночь спокойная, то можно посидеть здесь, насладиться тишиной и покоем. Потом сделаешь последний обход, ляжешь на кушетку в кладовке и спишь. Зато когда есть ночные дежурства, то можно уже претендовать и на постоянную работу.

МЕТТЕ. Это необязательно. Я могу и подождать!

ИНГА. Нет, нет. Это очень даже справедливо. Я сама позабочусь об этом.

ХЕЛЕНЕ (*входит*). Ну, разумеется, у одного из них понос.

ИНГА. Хелене...

ХЕЛЕНЕ (*смотрит на свои руки*). Как это мерзко. И мылом моешь и дезинфицирующим средством обрабатываешь, а чувство такое, что рук больше уже никогда не отмыть. Вот, понюхай! Чувствуешь, как воняют?

МЕТТЕ. Я ничего не чувствую.

ХЕЛЕНЕ. Ты тоже не чувствуешь?

ИНГА. Нет, это самовнушение.

ХЕЛЕНЕ. Ты думаешь...

ИНГА. А не разрезать ли нам торт? Я так проголодалась.

ХЕЛЕНЕ. Да, давайте. (*Приносит нож, фыркает.*) Знаете, чем он залит? (*Метте фыркает.*)

ИНГА. О-о, нет.

ХЕЛЕНЕ. Извини. Я не могу остановиться. Из головы просто не выходит.

Метте и Хелене еще некоторое время истерично фыркают, затем перестают.

ИНГА. Садись.

Хелене садится.

МЕТТЕ (*Инге*). Не будете задувать свечи?

Инга задувает свечи. На сцене становится темно. Ночь!

[77]

ИЛ 11/2014

Сцена 7

Ночь. Свет слегка голубоватый. В разных местах комнаты висят три комплекта одежды, упакованной в целлофан, с именными бирками на каждой вещи. На полу стоят три пары ботинок. У Метте ночное дежурство. Она сидит за столом и вяжет красный свитер. Перестает на мгновение вязать и прислушивается. Тишина. Снова берется за вязание. Опять перестает и прислушивается. Тихо. Вдруг замечает Агнете, которая ходит взад и вперед по коридору.

МЕТТЕ (*зовет*). Агнете?

АГНЕТЕ появляется в дверях.

МЕТТЕ. Вы все ходите по коридору, почему не спите?

АГНЕТЕ. Не могу. Там они все лежат, тяжело дышат и еще стонут во сне. (*Хочет уйти.*)

МЕТТЕ. Подождите... зайдите сюда, пожалуйста. (*Подходит к Агнете, берет ее за руку и ведет в комнату.*) Мне нужна компания. Здесь так тихо. Ночью все совсем по-другому. В голове сразу возникает столько идей и мыслей.

АГНЕТЕ (*идет к окну. Штора отодвинута*). Сколько огней в центре города! Я и не знала, что отсюда все так выглядит. Это похоже на праздник... Интересно, а нас они видят?

МЕТТЕ. Не думаю. Здесь слишком темно.

АГНЕТЕ. Ну да. Да и зачем им это? Что ты вяжешь?

МЕТТЕ. Свитер. Скоро закончу.

АГНЕТЕ. Примерь. Я посмотрю, сколько осталось.

Метте примеряет вязанье прямо со спицами. Агнете держит клубок.

АГНЕТЕ. Он будет в обтяжку.

МЕТТЕ. Я так и хотела.

АГНЕТЕ. Теперь ты похожа на Элис, как никогда. Такая юная и свежая. Тебе не следовало бы находиться в подобном месте. Тебе надо быть там, в городе. На празднике!

МЕТТЕ. Там нет никакого праздника. Это только отсюда так кажется. (*Хочет снять свитер.*)

АГНЕТЕ. Нет, постой, я еще полюбуюсь тобой, еще чуть-чуть... (*Гладит Метте по щеке.*) Как удивительно, что такая прекрасная, упругая кожа когда-нибудь станет такой же серой и дряблой, как моя...

МЕТТЕ (*смущенно*). Да...

АГНЕТЕ. Ох, если бы я была мужчиной, молодым человеком... (*Гладит ее по шее, по плечам, по груди.*)

МЕТТЕ (*отталкивает ее от себя. Сердито*). Прекратите...

АГНЕТЕ. Почему? Разве на мне есть хоть одно место, до которого бы ты не дотрагивалась? Разве тебе не знакомо мое тело до самых мельчайших подробностей? Разве я смогу воспротивиться, когда вы завтра утром придете и начнете раздевать меня догола, чтобы помыть? Почему же тогда я не могу один только раз потрогать твое тело? Ощутить твою молодость. Твое тепло.

МЕТТЕ. Я стесняюсь.

АГНЕТЕ. Я тоже стеснялась, сначала. (*Направляется к выходу.*)

МЕТТЕ. Вы можете не уходить, остаться здесь в комнате, если хотите.

АГНЕТЕ. Я устала. Теперь, думаю, я смогу заснуть. Спокойной ночи.

МЕТТЕ. Спокойной ночи... Что такое?

АГНЕТЕ. Ничего...

МЕТТЕ. Голова закружилась?

АГНЕТЕ. Немного.

МЕТТЕ. Идемте, посидите, пока не пройдет. (*Помогает Агнете сесть и сама садится на стул у ее ног.*) Вот так. Лучше?

АГНЕТЕ. Да...

МЕТТЕ. Я так испугалась. Хотите воды попить?

АГНЕТЕ. Нет, спасибо.

МЕТТЕ. Я сожалею о том, что было. Хотите, потрогайте меня сейчас.

АГНЕТЕ. Нет, нет... Я тебя хорошо понимаю. Не знаю, что это я вдруг. Мне самой потом стало неловко.

МЕТТЕ. Не надо. Это я такая глупая. Я сама хочу, чтобы вы меня потрогали.

АГНЕТЕ. Я не могу...

МЕТТЕ. Дайте вашу руку... (*Кладет руку Агнете себе на грудь. Молчание.*) Ну, как?

АГНЕТЕ. Нежная и теплая. Я чувствую, как бьется твое сердце...

МЕТТЕ. Сильно, да?

АГНЕТЕ. Да...

МЕТТЕ (*смеется*). Представляете, если бы нас кто-нибудь сейчас увидел!

АГНЕТЕ. Да, чего бы они только не наговорили.

МЕТТЕ (*поднимается и идет к зеркалу*). По-вашему, я изменилась, с тех пор как пришла сюда? Я имею в виду мое лицо?

АГНЕТЕ (*бормочет*). Элис...

МЕТТЕ (*не слышит этого*). Сначала я думала, что стану для вас ангелом-хранителем. Когда шла по коридорам или заходила в палаты, а вы все смотрели на меня и хотели довериться мне, я себя и воспринимала — ангелом-хранителем. (*Смеется.*) Мне казалось, я смогу заставить парализованного ходить, слепого видеть, а склеротика — помнить. И самое главное, я была уверена в том, что никогда не стану такой же, как Инга и Хелене. А посмотрите на меня сейчас... Вчера одна из новеньких обмочилась, долго лежала, звала нас, но ни у кого не было времени, а когда я подошла, было уже поздно: она сама и все белье насквозь промокли. Пока я раздевала, мыла ее, переодевала в чистую мужскую пижаму, другой ведь не было, она, рыдая, не переставала извиняться и благодарить за помощь. Я пыталась объяснить ей, что это не ее, а наша вина, но она продолжала рыдать, извиняться и благодарить. В какой-то момент я не выдержала... подняла руку... и ударила ее... сильно, прямо по ее нежной, залитой слезами щеке. Самое ужасное... что мне это понравилось. Мне стоило больших усилий, чтобы не ударить еще и еще. Я не понимаю, что здесь происходит с людьми. (*Замечает, что Агнете сидит с закрытыми глазами. Улыбается.*) Вы же меня совсем не слушаете. Как вы можете так вот сидеть и спать... Агнете? Откройте глаза, посмотрите на меня! Агнете! Нет! Нет! Нет, нет, нет...

Сцена 8

ИНГА. Вы помыли Агнете, приготовили ее?

МЕТТЕ. Да, и охранники уже пришли, чтобы отвезти ее в подвал.

ИНГА. А тележек с едой все еще нет?

ХЕЛЕНЕ. Нет.

ИНГА. Уже на час опаздывают.

ХЕЛЕНЕ. И так практически каждый день.

ИНГА. Выйди посмотри, не едут ли.

ХЕЛЕНЕ уходит.

МЕТТЕ (*кладет на стол мешок*). Вот ее вещи.

ИНГА (*выкладывает вещи на стол*). Немного мусора... и коса. Надо же такое припрятать! Когда я была молодой, у ме-

ня тоже были длинные волосы. Такие длинные, что я могла на них сидеть. Каждое утро я заплетала их и укладывала венком вокруг головы. Моей косе все завидовали. И только когда ее отрезали, я поняла, какая она была тяжелая. Голове стало легче, и постоянная слабая головная боль прошла.

Метте чешет руки.

ИНГА. Прекрати чесать, от этого только еще хуже будет.

ХЕЛЕНЕ входит.

Ты видела их?

ХЕЛЕНЕ. Нет...

ИНГА. С меня хватит. Я им так и сказала. Моему терпению приходит конец. Ни чистой одежды, ни постельного белья, ни перчаток. А теперь еще и еду привозят все позже и позже. И о чем они только там думают, чего добиваются?

ХЕЛЕНЕ (*нервозно*). Не так громко...

ИНГА. Говорю, как хочу. И посмотри — становится грязнее и грязнее... пыль и грязь повсюду. Здесь теперь тоже не убирают. Уборщицы сюда, до верхних этажей, никогда не доходят. Если бы только администрация знала, знала, как все здесь ветшает и зарастает. Не то что раньше, когда тут была больница. Тогда здесь все сверкало и светило, все функционировало как надо. Я тогда работала в родильном отделении. Родильное кресло стоит сейчас там, в подвале, а большая операционная лампа висит над ним, как мертвое солнце. Не знаю, почему они оставили его в подвале. Как-нибудь покажу его вам.

Молчание.

ХЕЛЕНЕ. Хотите, я принесу кофе, посидим, отдохнем, покаждем тележки с едой?

ИНГА. Это мысль. Заодно и погреемся.

МЕТТЕ. Вы мерзнете?

ИНГА. Немного. Тянет откуда-то. Из коридора, наверное...

МЕТТЕ (*закрывает дверь в коридор*). Так лучше?

ИНГА. Да...

Метте опять чешет руки.

Да прекрати же. До дырок расчешешь.

МЕТТЕ. Теперь я вспомнила его! Тот сон, что приснился мне утром, когда я наконец заснула...

ИНГА. Расскажи мне его.

МЕТТЕ. Мне приснилось, что у меня ночное дежурство и что я заснула прямо в перчатках. И как будто я просыпаюсь, оттого что не чувствую своих рук. Я пытаюсь снять перчатки, а они не снимаются. Я их стаскиваю, рву на части и, наконец, мне удается их снять. Но вместе с кожей. И я сижу и смотрю на них. Ничего не чувствую, никакой боли.

ИНГА. А потом?

МЕТТЕ. А потом я проснулась, оттого что они чесались.

ХЕЛЕНЕ (*входит с тремя кружками кофе*). Это еще ничего по сравнению с тем, когда чешется по-настоящему. Тогда готов сдирать их маленькими кусочками.

ИНГА (*пьет*). Он холодный.

ХЕЛЕНЕ. Должно быть, что-то с машиной.

ИНГА. Как же мне тогда согреться?

Загорается одна из синих ламп.

ИНГА. Хелене...

ХЕЛЕНЕ. О нет! Лучше туда не ходить, пока поесть не привезут. Ты бы видела, как они вцепляются в тебя, прямо рвут на части, чтобы узнать, сколько еще ждать.

ИНГА. Чем их больше, тем наглее и наглее они становятся. Метте...

МЕТТЕ. Можно я не пойду? Наверняка, там ничего серьезного.

ИНГА. Идем-ка, хватит сидеть. Им нельзя показывать, что мы их боимся.

МЕТТЕ (*открывает дверь в коридор. Вдали слышен монотонный шум*). Слышите! Они сидят и стучат ложками по пустым тарелкам!

ИНГА. А что последует за этим... закрой дверь. Никто из нас не выйдет, пока не привезут еду.

Еще одна синяя лампа загорается.

Что же там происходит? Что-то не так, не видите? Не так, как всегда... По-моему, это надо прекратить, остановить немедленно. И все начать сначала... пока не зашло слишком далеко.

ХЕЛЕНЕ. Это невозможно. Назад дороги нет. Такого еще не было, чтобы кто-то остановился и начал все сначала.

ИНГА. Это верно. (*Беспокойно ходит по комнате*.) Мне все это не нравится...

ХЕЛЕНЕ. Я так люблю тебя. Если бы ты знала, как я тебя люблю... (*Хочет обнять Ингу, но та отстраняется. Молчат. Загорается еще одна лампа.*)

ИНГА (*смотрит на часы*). Ну куда же они подевались?

МЕТТЕ. Они про нас забыли.

ИНГА. Ничего они не забыли.

Загорается еще одна ламп.

Пусть зовут, пусть себе зовут, мне все равно. Мне впервые в жизни все равно. Мне все равно, даже если они начнут там пожирать друг друга.

Хелене фыркает.

Что ты фыркаешь?

ХЕЛЕНЕ. Ничего. Я никогда не слышала, чтоб ты так говорила.

ИНГА. Значит, пора услышать. Странно, что они не звонят и не сообщают еще об одном новеньком. На них это не похоже. Оставить кровати пустовать, пока они хотя бы остынут. *(Немного отдергивает штору и выглядывает на улицу.)* Идите посмотрите! Дерево распускается! Нижние листочки уже распрямились...

ХЕЛЕНЕ. Как, уже...

МЕТТЕ. Завтра будет все зеленое.

ИНГА *(отворачивается от окна)*. Какой вид... с каждым годом оно кажется еще красивее, еще величавее, чем раньше.

Вдали слышен слабый стук и громыхание. Они прислушиваются. Звук становится все ближе и ближе. Он нарастает и превращается в адский грохот.

ХЕЛЕНЕ. Это тележки с едой.

ИНГА. Наконец-то.

МЕТТЕ. Значит, они все-таки не забыли про нас.

Сцена 9

Ночь. ИНГА на дежурстве. Она сидит за своим столом и раскладывает пасьянс. Бормочет под нос, перекладывая карты. Зевает.

ИНГА. Шестерка трэф и дама пик... к королю ее... четверка червей, хм... вниз ее. Бубновая дама... пусть подождет... дама червей... еще одна дама! Странные карты... как я их так перемешала? *(Поднимает голову, сидит и прислушивается, прежде чем продолжить.)* Этого валета сюда и тогда можно всю эту стопку переложить вот сюда... ха-ха, может, он все-таки сложится... джокер... откуда он взялся... бубновая семерка. *(Снова поднимает голову и прислушивается.)* Э-э-й? Что это за звук такой... какой-то тихий шелест... словно рой саранчи опустошает поле... *(Поднимается.)* Откуда он? *(Идет к дверям, останавливается в испуге.)* Что такое? Вы все встали? Почему вы не спите?.. Чего вы хо-

тите? Что-то случилось? Мона... Как тебе удалось подняться с постели? А ты Ингеборг... И все новенькие? Отвечайте же... скажите же что-нибудь, вместо того чтобы вот так стоять, уставившись... что-то случилось? Я могу чем-то помочь? Почему вы все сбежали сюда? А для чего тогда у нас система вызова персонала, как вы думаете? *(Властно.)* Если вам нечего сказать, идите по палатам. Сию же минуту. Простудитесь и заболите, оттого что ходите в пижамах с голыми ногами по коридорам. Вы слышите?.. Нет! Стойте там, где стоите. Не приближайтесь ко мне... что вы хотите... да скажите же, что вам нужно... И прекратите смотреть так на меня. *(Всхлипывает.)* Что я вам сделала? Это подло, все на одного. Что я вам сделала? Еще один шаг, и я позвоню в охрану, сейчас вызову охрану. *(Бежит к телефону.)* Алло? Алло? Почему они не отвечают? Где они там все... *(Бежит назад к двери.)* Ну-ка, вон отсюда... Возвращайтесь... по кроватям, немедленно... вон отсюда, ну-ка, вон... *(Захлопывает дверь, закрывает ее на ключ, подпирает ручку двери стулом.)* Привидения, вот вы кто... и ничего другого, одни привидения. *(Снова садится за стол.)* Меня вам не запугать. Я не боюсь ваших бледных жалобных физиономий. *(Продолжает раскладывать пасьянс.)* ...бубновый туз... прибережем... четверка червей. *(Ежится.)* Как же здесь холодно... двойка бубен...

МЕТТЕ и ХЕЛЕНЕ неслышно входят и встают у Инги за спиной. У них букет цветов и подарок, упакованный в бумагу для подарков на день рождения. Инга продолжает раскладывать пасьянс. Они следят, заглядывая через ее плечо. Их лица ничего не выражают или официально вежливы.

ХЕЛЕНЕ. Сошелся?

ИНГА. Что? Это вы там стоите? А как вы вошли?

МЕТТЕ. Поздравляем... *(Вручает подарок.)* Это от нас обеих.

ИНГА. Ой, это мне подарки... Но у меня ведь только что был день рождения!

МЕТТЕ. Время идет быстро.

ИНГА *(распаковывает подарок. Это синий узорчатый халат пациента. Радостно, удивленно).* Это мне? Как мило с вашей стороны.

МЕТТЕ. Не хотите примерить?

ИНГА *(неуверенно).* Думаете, надо примерить?

Метте и Хелене помогают Инге снять свой медицинский халат и надеть халат пациента.

ИНГА. Мне холодно...

ХЕЛЕНЕ. Вот так. Очень хорошо.

ИНГА. Идет мне?

МЕТТЕ. Да, как раз ваши цвета.

ИНГА (*смотрит вниз на себя*). Я не очень понимаю...

ХЕЛЕНЕ (*вручает Инге цветы*). Это вам! Тоже от нас обеих...

ИНГА (*снимает с цветов бумагу*). О! Сирень! Белая сирень. (*Нюхает цветы.*) Этот запах, этот сильный сладкий запах... у меня кружится голова...

МЕТТЕ. Скорее всего, они долго не простоят по такой жаре.

ИНГА. Жаре... Здесь что, жарко? Я мерзну. Так ужасно мерзну...

ХЕЛЕНЕ. У нас слишком жарко.

МЕТТЕ (*жалуясь*). У меня щеки горят!

ИНГА. Я мерзну...

ХЕЛЕНЕ. Не будешь заканчивать пасьянс?

ИНГА. Буду. Надо посмотреть, сойдется ли он... (*Садится и погружается в карты.*) Тройка пик... вот сюда. Шестерка червей... полежит пока... Валет треф... что нам с ним делать? У нас нет больше места... Пусть скажет спасибо за помывочную. К чему-то лучшему он, наверняка, и не привык. Четверка треф... и двойка пик в первую ванную. Ого! Опять джокер... шестерка червей... шестерка червей. Вот... валет треф...

Сцена 10

Все чисто и красиво. Шторы отодвинуты, солнце светит в окна. Звон церковных колоколов, чуть позже звук шагов по коридору. Входит Хелене. На ее поясе связка ключей, которые гремят, когда она двигается. В руке стопка журналов, которые она читает на ходу. Она садится за письменный стол, просматривает каждый журнал и что-то отмечает в них.

ХЕЛЕНЕ (*бормочет себе под нос*). Нормальный... тоже нормальный... Не было стула. Уже второй день. Попробуем одну клизму с микролаксом. У новенькой малышки из первой ванной тоже не было стула, но что в этом странного, если она ничего не ест. (*Ликует.*) Ха, ха! У Кристиана стул опять нормальный после шести дней запора...

МЕТТЕ (*входит, снимает перчатки*). У фру Нильсен из четвертой палаты нормальный...

Хелене отмечает в журнале.

МЕТТЕ. У тех двоих, что в помывочной, тоже нормальный...

ХЕЛЕНЕ. Где они тут у нас... вот. (*Отмечает в журнале.*)

МЕТТЕ (*выглядывает из окна*). А это не Ингеборг?

ХЕЛЕНЕ. А кто ж еще? Уже ведь три дня как умерла. А как Матрос?

МЕТТЕ. У него не было.

ХЕЛЕНЕ. А ты дала ему как следует потужиться?

МЕТТЕ. Почти четверть часа сидел.

Хелене отмечает в журнале. Инга беззвучно появляется в проеме двери. На ней халат пациента, коричневые чулки и тапки. Останавливается в дверях.

ХЕЛЕНЕ (*вежливо, но не поднимая головы*). Чем мы можем тебе помочь?

ИНГА. Я просто хотела... когда привезут еду?

ХЕЛЕНЕ. Скоро. Пойди к себе в палату, отдохни, вот время быстро и пройдет.

Инга стоит еще мгновение, потом исчезает. Звонит телефон.

ХЕЛЕНЕ (*отвечает*). Отделение 17Б, заведованием. Да. Конечно, у нас есть места, только что было два смертных случая... Да, ну тогда мы все подготовим для новенького. Хорошо. И вам спасибо. Спасибо. До свидания.

МЕТТЕ. Еще одна. И что мы с нею будем делать?

ХЕЛЕНЕ. С ним. Мы его можем положить в коридор внизу у лестницы или во вторую ванную, там никого нет. У фру Хольм был стул?

МЕТТЕ. Да, нормальный.

ХЕЛЕНЕ (*отмечает в журнале*). Нормальный...

МЕТТЕ. У Принцессы тоже нормальный...

ХЕЛЕНЕ. Хорошо. (*Отмечает в журнале.*)

МЕТТЕ. И у Бенни нормальный...

Хелене отмечает в журнале.

Вот так-то!